

ДИВЕРГЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ ЕВРОПЫ И РОССИИ ПРИ ВЫХОДЕ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права СО РАН,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

8 июля 2019

Принята к печати:

25 октября 2019

Об авторе:

д.филос.н., профессор,
главный научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН;
заведующий кафедрой социальной
философии и политологии,
Новосибирский государственный университет;
профессор, кафедра международных отношений и
регионоведения, Новосибирский государственный
технический университет

e-mail: nrozov@gmail.com

Ключевые слова:

сравнительная политика;
социальные порядки; империя;
Реформация; Раскол; российские циклы; история
Европы; история России;
сословия; сеньораж; государственная служба

Аннотация: Средневековая Европа до Реформации и Московская Русь до Смуты рассматриваются в идеальнотипическом ключе как носители социальных и ментальных единств: веры и церковной организации, империи, базовых социальных отношений. В итоге Реформации и религиозных войн каждое из европейских единств было разрушено, но части бывшего Pax Christiana, продолжали плотно взаимодействовать и конкурировать между собой, бороться за лидерство, что обусловило интенсивную модернизацию ведущих держав Западной Европы с известными глобальными последствиями. Московское государство после Смуты восстановило единство во всех трех аспектах. Черты государства и общества здесь существенно трансформировались в результате раскола, становления Российской империи, административных реформ XVIII–XIX вв., но при этом сохранились базовые свойства этатизма, централизма, приоритета службы, властной инструментализации морально-религиозной сферы. На основе проведенного сравнения выделены специфические для России факторы, которые обуславливают известные циклы в истории России XVI–XX вв. и сохраняют значимость в современных социально-политических процессах.

В рамках классической темы «Россия и Европа» была и остается центральной проблема причин кардинального расхождения траекторий социального и политического развития между этими целостностями, а также не теряет актуальности связанный с ней вопрос о факторах специфики циклической динамики в истории России.

В данной работе предпринят сравнительный подход к проблеме, который заключается в сопоставлении изменений обобщенных социальных порядков («идеальных

типов»). Порядки характеризуются сохраняющимися, распадающимися или трансформирующимися единствами в мировоззренческом (религии, идеологии, ценности), геополитическом (структура контроля над территориями) и институциональном (социальные отношения) аспектах.

Западноевропейское Средневековье как идеальный тип. В качестве идеального типа для средневековых порядков Западной Европы до XIV–XV вв. используем модель трех единств: единство веры и церковной орга-

низации, единство Империи, один принцип патронажа (покровительства, власти).

Здесь намеренно упускается из виду сложность, связанная со страновым разнообразием, с беспрестанными изменениями, конфликтами, пертурбациями внутри средневековой Европы, с наличием реликтов прежних эпох и ростков нового, с неоднородностью точек зрения и т. п.

Более того, указанные три единства представляются не столько «объективными характеристиками» обществ, сколько нормативными ментальными стереотипами того времени, идеями о том, «как должно быть», «как правильно».

Единство веры, церкви и империи. В рамках данного идеального типа единственно правильная вера – только *христианство в католическом изводе*. Остальные религии понимались либо как реликты, подлежащие непременно преодолению, христианизации (язычество), либо как странные, ошибочные и даже враждебные религиозные заблуждения, которые следует подавлять, распространяя «свет христианской веры» при наличии достаточных сил, или временно смиряться, когда победить другие верования (православие, мусульманство) нет возможности¹.

Только открытый военный конфликт (Шмалькальденская война 1546-1547 г.) и вынужденный из-за патовой ситуации Аугсбургский мир 1555 г. обусловили фактическое признание разделения христианства, которое в конце XVI в. приняло четкую формулу *«Cujus regio, ejus religio»* («чья власть, того и вера»), ставшую позже базовым принципом Вестфальского мира 1648 г.²

Единую международную церковную

организацию представляло *папство* с подчиненными кардиналами и епископами, клиром нижних уровней. Подрыв этой традиции начался с упорной борьбы Лютера, получавшей все большую поддержку в 1520-1540 гг., что и стало церковно-организационным аспектом Реформации³.

На большей части Европы не ставилась под сомнение единственность Империи, где бы ни находилась ее столица (Рим, Константинополь, Вена). Отсюда и средневековое название «Священная Римская империя», хотя столица ее уже была не в Риме⁴.

Сеньораж и севраж в основе социального порядка. Нормативному единству Империи соответствовало и определенное единство во властных и социально-экономических отношениях. Основу («клеточку») средневекового социального порядка составляет сеньораж как патрон-клиентское отношение, вхождение в которое происходит через ритуал оммажа⁵. Каждый человек должен был быть «чьим-то». Это относилось не только к крестьянам, рыцарям, их сюзеренам вплоть до князей, королей и императора. Высшие церковные чины также считались князьями, нередко имели свои вооруженные силы⁶.

Сеньораж обычно включал установление отношений по всем четырем социальным универсалиям – «источникам власти» – сила, политическая власть, престиж и богатство⁷.

³ Ibid. С. 355-400; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. 544 p.]

⁴ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 105-106. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. Pp. 105-106.]

⁵ Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с. [Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. 504 p.]

⁶ Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. С. 228-230. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. Pp. 228-230.]

⁷ Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведе-

¹ Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. 943 с. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. 943 p.]; Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с. (Gurevich, A. Ya. Indiv i sotsium na srednevekovom Zapade (Individual and Society in the Medieval West). Moscow: ROSSPEN, 2005. 424 p.)

² Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. С. 355-400. [Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. Pp. 355-400.]

Серваж как аналог крепостной зависимости крестьян от землевладельцев первоначально относился к рабам (преимущественно пленным и их потомкам)⁸. Затем серваж распространился и на «свободных» крестьян, что в договорах обозначалось в терминах «под покровительством»⁹.

Три единства Московской Руси. Среди множества различий средневековых Московии и Европы выделим (гео)политический аспект. Католичество на протяжении всей истории развивалось в условиях принимавших эту веру множества разнообразных политий – королевств, герцогств, союзов городов, олигархических республик, в той или иной мере подчинявшихся имперской власти, сила и авторитет которой менялись в широких пределах. Русское православие с XV в. было тесно связано с единым монархическим государством имперского типа (то есть удерживающим присоединенные инокультурные провинции преимущественно принуждением и силой).

Если глава Священной Римской империи избирался курфюрстами, не мог передавать власть наследнику, вынужден был считаться с королями, князьями, то великие князья, затем цари на Руси были полномочными правителями, получавшими и передававшим власть династически.

Что касается принципов социальных отношений, то обе традиции имеют в своей основе патримониальный принцип, когда подчиненные и покровительствуемые в какой-то мере уподобляются младшим родственникам или слугам, для которых сеньор (господарь) предстает как глава «дома», «отец» или «хозяин».

Важнейший вопрос состоит в том, возможно ли вообще и при каких условиях перейти в другой «дом» к другому «хозяину». Хрестоматийный конфликт, известный по переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского, свидетельствует о существенном сдвиге именно в этом аспекте патронажа. Переход к другому господарю стал восприниматься как предательство, «измена», что означает фактически пожизненное прикрепление всех подданных, причем «служба» и «верность» обретают сакральное значение.

В целом, русская *служба* в XVI–сер. XVIII в. сдвигалась (в рамках европейских понятий) от сеньоража к государственному серважу. Разумеется, статусное и материальное положение разных слоев и сословий различалось очень сильно. Однако сохранялось и некое единство неотменяемого прикрепления, морально-религиозно обоснованного служения православному царю и отечеству¹⁰.

Реформация: конфликты, разрушающие святыни и порядки. В Европе всегда воевали, князья и другие вельможи конфликтовали с королями, короли – с императором. Папство (со своими землями и войском) находилось в средоточии конфликтов и войн. Однако настоящая турбулентность, приведшая к разрушению средневекового порядка происходит только с первых десятилетий XVI в.

В конфликтах нового типа хотя бы одна сторона отвергает саму структуру отношений, институциональную основу взаимодействий, а также сакральные символы: святыни, ранее непререкаемые ценности и принципы, по крайней мере, те, что фундировали отвергаемые отношения и институты¹¹. Собственно, здесь речь и идет о рас-

дения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-633. [Weber, M. «Ob»yektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya ("Objectivity" of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge). In: Weber, M. Selected Works. Moscow: Progress. 1990. Pp. 602-633.]; Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

⁸ Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 255. [Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. P. 255.]

⁹ Ibid. С. 256-257.

¹⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 361-367. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. Pp. 361-367.]; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 326-327. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. Pp. 326-227.]

¹¹ Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 87-100. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise

паде единств, скреплявших *Pax Christiana*: общей религии, церковной организации, империи, договорных отношений сеньоража¹².

Кризисные и переломные процессы в России XVII – нач. XVIII вв. Московская Русь переживала не меньшие потрясения, чем Европа периода Реформации, хоть и со сдвигом примерно на столетие. Смута 1603–1613 гг. поставила под вопрос базовые черты Московии: конфессиональную монополию православия и церкви, не только сохранение ранее присоединенных земель, но и само существование имперского государства, принцип службы из-за перипетий с престолом, самозванцами, «изменами».

С преодолением Смуты и воцарением династии Романовых единство царства было в основных чертах восстановлено, причем выстроенный социальный порядок оказался настолько прочным, что последующий «бунташный век» его не поколебал. Соборное Уложение 1649 г. строго прикрепило крестьян к земле и помещику.

При всех очевидных различиях Реформации в Европе и Раскола в Московском государстве обращают на себя внимание следующие неявные, но более глубокие сходства.

– В обоих случаях важнейшим мотивом политической и идейной поддержки новаций (реформ в Западной Европе и исправлений книг, новых обрядовых элементов в Московии) были геополитические и церковные амбиции: правители и священники Нидерландов, первых швейцарских кантонов, северогерманских земель и городов стремились отложиться от власти папства и вступившего в его защиту императора; московский царь и патриарх затеяли радикальную

реформу в связи с мечтами освобождения Константинополя («Второго Рима») от турок, восстановления великой православной империи и главенства во вселенской («кафолической») церкви¹³.

– В обоих случаях имели место общий паттерн крайне жестокого государственного насилия относительно «неправильно верующих» (гугенотов, еретиков, раскольников) и их отчаянное сопротивление с готовностью самопожертвования¹⁴.

– В обоих случаях значимой частью конфликта были вопросы о правильности и подлинности церковных книг, священных текстов, причем сторона, инициировавшая раскол, апеллировала к более древней, «изначальной» традиции, будь то греческий вариант Евангелия для Лютера и протестантов или греческие богослужебные книги для Никона и его приверженцев.

Общая платформа для сравнения позволяет четче обозначить кардинальное отличие итогов Раскола от результатов Реформации.

¹³ Корневский Н.И. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статьях / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912, Т. III. С. 715–716. [Korenevsky, N.I. Tserkovnyye voprosy v Moskovskom gosudarstve v polovine XVII v. i deyatel'nost' patriarkha Nikona (Church Issues in Muscovy in the Mid-Seventeenth Century and the Activities of Patriarch Nikon). In: Dovnar-Zapolsky M.V. (ed.) (Russian History in Essays and Articles). Kiev, 1912, Vol. 3. Pp. 715–716.]; Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.]

¹⁴ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. С. 162–166. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. Pp. 162–166.]

and Decline of the State). Moscow: IRISEN, 2006. Pp. 87–100.]

¹² *Ibid.* С. 149–234; Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 53–65; 2014. № 1. С. 31–40; 2014. № 2. С. 42–58; 2014. № 4. С. 43–50; 2014. № 5. С. 52–63. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regul'yarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // Voprosy Istorii, 2013, No. 2, pp. 53–65; 2014, No. 1, pp. 31–40; 2014, No. 2, pp. 42–58; 2014, No. 4, pp. 43–50; 2014, No. 5, pp. 52–63.]

В Московской Руси сохранились единство веры, единство церковной организации и обрядовое господство церковнославянского языка, территориальное единство имперского государства, базовое социальное отношение службы, опирающееся на вполне рабское крепостничество.

Последующий крутой перелом, совершенный Петром I, был во многом результатом целенаправленных заимствований военных и административных порядков из тогдашних флагманов европейского прогресса – Нидерландов, Англии, Швеции¹⁵. При этом, специфические российские единства были не нарушены, а напротив, обрели еще более выпуклые особенности¹⁶.

Русское имперское государство получило уже официальное наименование «Российская империя», армия и административный аппарат были модернизированы, что дало долговременный эффект для вполне реальной «славы русского оружия» – геополитических триумфов XVIII в. и победы над Наполеоном в 1812 г.

Монополия православия была закреплена, хотя для благородного сословия была позволена изрядная доля приватного вольнодумия и даже масонства. Церковь превратилась в подчиненное административное ведомство. Отношение службы было упорядочено в «Табели о рангах» еще при Петре I. Крепостное рабство было утверждено и усилено, использовано для становления промышленности, позже даже усугублено в связи с введением дворянских вольностей

¹⁵ Нефедов С. А. Происхождение регулярно-го государства Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 43-50. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regulyarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2014, No. 4, Pp. 43-50.]

¹⁶ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Колibri, 2006. С. 176-180. [Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Rurikovichy do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. Pp. 176-180.]

Петром III, что было затем подтверждено Екатериной II.

В целом, парадоксальным образом жестокие кризисы и крутые повороты, следующие европейским образцам, не поколебали старомосковское единство, а в основных аспектах даже его укрепили и упорядочили. При всем этом, Россия, как известно, была и остается по сию пору в положении «догоняющей» страны или даже «не способной догнать» в сравнении с ведущими державами Европы и дочерней североамериканской цивилизации¹⁷.

Распад и сохранение единства – расхождение следствий. Глобальное эволюционное значение европейской Реформации заключается в следующем:

– появились суверенные национальные государства с однозначным подданством, национальными системами законов, налогообложения, денег, армий, контроля над насилием, открывающие дальнейшие возможности расширения государственных забот, функций, служб (образование, медицина, полиция и проч.); такие государства стали затем образцами политического развития во всем мире;

– ожесточенные (преимущественно религиозные) войны этого периода сопровождались ускоренным развитием военного дела, ростам масштаба, организованности, вооруженности и мобильности европейских армий, что позволило вскоре после эпохи великих географических открытий (ок. 1500 г.) проводить европейцам глобальную геополитическую, геоэкономическую и геокультурную экспансию¹⁸;

¹⁷ Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра Культура, 2004. 320 с. [Kagarlitsky B. Periferiynaya imperiya: Rossiya i mirosistema (Peripheral Empire: Russia and the World System). Moscow: Ultra Culture, 2004. 320 p.]

¹⁸ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с. [McNeil, W. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11-20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Buduschego, 2008. 454 p.]; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-

– именно в эту эпоху начались бурные процессы *секуляризации, светской бюрократизации, роста торгового и финансового капитализма, появились республиканские и парламентские модели правления* – исходные компоненты модернизации, которая со временем из европейской стала глобальной¹⁹;

– религиозные распри преодолевались через развитие и распространение идей свободы совести, «чья власть того и вера», веротерпимости, естественного права, прирожденных неотчуждаемых прав личности; эти идеи стали основным источником для развития либеральных, гуманистических, демократических ценностей и принципов, которые хотя и не стали доминирующими в современном мире, но составляют идейную основу наиболее авторитетных международных организаций, таких как ООН, в той или иной мере (хотя бы декларативно) утверждаются в конституциях большинства стран.

К чему же привели с таким трудом сохраненные аспекты единства в России?

Уверенная монополия православия делала ненужными споры и межконфессиональную борьбу, которые в Западной Европе завершились веротерпимостью и секуляризацией.

Подчиненность государству православной церкви долгое время обеспечивала ей преимущества религиозной монополии, но эта же огосударствленность после распада Российской империи в 1917 г. и при последующем установлении постреволюционного советского государства с официальным принудительным атеизмом сослужила церкви уже дурную службу.

Само по себе сохранившееся единство большого полиэтнического государства

нельзя считать противоречащим модернизации. Британская империя в XVII–XX вв., США на протяжении всей своей истории, а с недавнего времени Китай показывают впечатляющие успехи, по крайней мере, в аспектах капиталистической индустриализации и построении эффективных, способствующих социальному и экономическому прогрессу бюрократий.

Здесь в роли дифференцирующего фактора выступает способ управления провинциями, характер взаимодействия с ними центральной власти.

В истории Московского государства, Российской империи и СССР использовались разные модели: от жесткого подавления и принуждения до попустительства «местным традициям». Чего не было, так это политических условий для роста самоуправляемых центров культурного, технологического, экономического развития, причем конкурентоспособных на мировых рынках²⁰.

В Западной Европе такие центры стали бурно расти уже в XVI в., чему не могли помешать ни довольно рыхлая Священная Империя, ни религиозные войны. После становления Вестфальской системы национальных государств такие центры получили значительную свободу развития, причем европейские войны подогревали конкуренцию и удивительным образом не препятствовали живейшему культурному и технологическому обмену²¹. Культурное разнообразие, высокая конкурентность, тесные культурные связи и готовность к заимствованиям – наиболее очевидные

²⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с. [Etkind, A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii (Internal Colonization. Imperial Experience of Russia). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2013. 448 p.]

²¹ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с. [McNeil, W. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI–XX vekakh (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11–20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Buduschego, 2008. 454 p.]

1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с. [Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990–1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990–1992). Moscow: Territoria buduschego, 2009. 328 p.]

¹⁹ Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с. [Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.]

ключи к успехам в модернизации и ускорению развития²².

Сословность, государство и экономика – эффекты разделенности и единства. При распаде средневекового порядка договорного патронажа и феодальных отношений сословия в обществах Западной Европы отнюдь не исчезли. Победа короля над аристократической Фрондой во Франции (1648-1653 гг.), уверенное финансовое и военнополитическое доминирование купечества в Голландии, союз монархии с городской буржуазией в Дании с первой «Табелью о рангах» (1665 г.), становление абсолютистского «военного государства» в Швеции (1680 г.) – вот наиболее яркие примеры снижения политической роли знати в Европе²³. Главный же удар по самому принципу сословности был нанесен позже – Французской революцией 1789-1794 гг., после чего гражданское равенство в Европе довольно долго, с рыв-

ками и откатами устанавливалось вплоть до 1920-х гг.

В целом, европейская аристократия более конфликтно или более мягко, полностью или отчасти, но отказалась от наследственных прав на руководящие позиции в государстве, признала гражданское равенство. Даже при удержании высокого социального статуса и значительного богатства (включая родовые имена) общим является согласие аристократии на свою отделенность от государства.

Процессы секуляризации в Европе, также более конфликтные или более гладкие в разных странах, привели к почти полному отделению церкви от государства. Даже политические партии, в названии которых фигурирует христианство, отнюдь не подчинены церкви.

Совсем иным образом изменялось положение высших сословий в России. Бояре и служилое сословие в Московской Руси XVII в. превращались в дворян в несколько этапов: через отмену местничества (1682 г.), установление «Табели о рангах» Петром I (1722 г.), «Жалованную грамоту» Екатерины II (1785 г.) и 9й том «Свода законов Российской империи» (1832 г.). Общая тенденция этих изменений состояла в низложении политической роли высшей знати (бояр) через формальное приравнивание их дворянам²⁴, тогда как статус дворян определялся не родовитостью, а *службой государству* (царю и отечеству). При этом, имущественный аспект (вотчины и поместья) был вторичным, поскольку благосостояние дворян во многом или даже полностью стало определяться «беспорочностью» службы и монаршим благоволением. Фактически здесь идет речь о *теснейшем единстве дворян как служилого сословия с самодержавным государством*. Порядок предоставления наследственного и личного дворянства отличившимся в службе только укреплял это единство²⁵.

²² Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с. [Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.]; Розов Н.С. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 6. С. 151-162. [Rozov, N.S. Uskoreniye istorii: prichinnyye mekhanizmy i predely (Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits) // *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost'*, 2015, No. 6, pp. 151-162.]

²³ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с. [Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990-1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990-1992). Moscow: Territoriaa buduschego, 2009. 328 p.]; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с. [Creveld, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISSEN, 2006. 544 p.]; Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // *Вопросы истории*. 2013. № 12. С. 53-65; 2014. № 1. С. 31-40; 2014. № 2. С. 42-58; 2014. № 4. С. 43-50; 2014. № 5. С. 52-63. [Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regul'yarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2013, No. 2, pp. 53-65; 2014, No. 1, pp. 31-40; 2014, No. 2, pp. 42-58; 2014, No. 4, pp. 43-50; 2014, No. 5, pp. 52-63.]

²⁴ Ibid. С.А. Нефедов не без оснований называет фактический роспуск Петром I Боярской думы в 1699 г. «государственным переворотом».

²⁵ Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с. [Karatsuba, I.V.;

Священники как особое духовное сословие фактически выполняли религиозно-дисциплинарную функцию того же государства, что было закреплено учреждением Петром I Священного Синода как одного из бюрократических ведомств.

Декабристское восстание 1825 г., направленное на введение конституции, преобразование самодержавия по европейским образцам, отражало также патриотические и государственнические настроения повстанцев. После жестокой расправы над декабристами династия Романовых в лице Николая I и Александра II потеряла доверие к благородному сословию, сделав ставку на чиновничество, набираемых преимущественно из окончивших университет разночинцев [Карацуба, Курукин, Соколов, 2006: 322-326]. Приверженность основной массы дворянства престолу была надломлена. Эту приверженность и единство с государством сохраняла (с оговорками) только высшая страта, поскольку сохраняла полное доминирование на верхних этажах власти.

Два типа обществ. Означает ли сказанное вред всякого единства, призыв к фрагментации, отчуждению, разрывам по-

литических, социальных и эмоциональных связей? Разумеется, это не так. Единства, скрепляющие общества, бывают очень разными. Есть большая накопленная традиция различий базовых принципов («матриц»), удерживающих территории и группы вместе, или типов «социального клея», если использовать излюбленную социологическую метафору:

- военный (милитаристский) и индустриальный (либеральный, демократический) типы общества²⁶;
- централизованная плановая экономика и меновая экономика²⁷;
- редистрибутивная и рыночная формы интеграции экономик²⁸;
- закрытое общество и открытое общество²⁹;
- автократия (неразделенная власть) и демократия (полиархия, коллегиально-разделенная власть)³⁰;

²⁶ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с. [Spencer, G. Opyty nauchnyye, politicheskiye i filosofskiyе (Essays: Scientific, Political, and Speculative). Minsk: Sovremenniy Literator, 1998. 1408 p.]; Клямкин И.М. Постмилитаристское государство // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 16-22. [Klyamkin, I.M. Postmilitaristskoye gosudarstvo (Post-Militaristic State). In: Klyamkin, I.M. (ed.) Rossiyskoye gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow). Moscow: New Publishing, 2007. Pp.16-22.]

²⁷ Ойкен В. Экономические системы // *THESIS*. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 18-27. [Oiken, V. Ekonomicheskiye sistemy (Economic Systems) // *THESIS*, 1993, Vol. 1, No. 2, pp. 18-27.]

²⁸ Polanyi K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977 – 280 p.

²⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992 – 538 с. [Popper K. The open society and its enemies. Moscow: Phoenix, International Foundation for Cultural Initiative. 1992 – 528 p.]

³⁰ Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37-48. [Dahl R. Polyarchy, Pluralism and Space. Voprosy filosofii. Russian Studies in Philosophy. 1994. No 3. P. 37-48]. Коллинз Р. Макроистория...С. 201-220.

Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoju istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov (Choosing History. "Forks" on the Course of Russia: from Rurishkevich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.]; Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с. [North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.]; Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2010. 752 с. [Ivanova, N.A.; Zheltova, V.P. Soslovnoye obshchestvo Rossiyskoy Imperii (XVIII – nachalo XX veka) (The Estate Society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)). Moscow: New Chronograph, 2010. 752 p.]; Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // History and Theory. Studies in the Philosophy of History, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

– принудительно-интенсивный и капитал-интенсивный пути государственного развития³¹;

– раздаточная и рыночная экономики³²;

– институциональные матрицы X (унитарно-централизованное политическое устройство, раздаточная экономика, коммунистическая идеология) и Y (федералистская политика, рыночная экономика, индивидуалистская идеология)³³;

– ресурсное государство с сословиями, промыслами и государством с классами, автономными капиталами, бизнесами³⁴;

– естественное государство и порядок открытого доступа³⁵.

Самое простое – отнести характерный для России тип единства к первому элементу каждой из указанных пар. Основания для этого есть, но такой подход не способствует объяснению специфики социально-

политической истории России с циклами подъемов и упадков, перемерением стагнации и отставаний с рывками, колебаниями между попытками либерализации и авторитарными откатами³⁶.

Характеристики военного, централизованного, раздаточного, закрытого общества в разные периоды истории и в разной доле есть практически во всех европейских державах (наиболее ярко в Швеции, Дании и Пруссии), о чем кроме вышеупомянутых Спенсера, Ойкена, Полани, Тилли, Кирдиной, Норта писали также Мартин ван Кревельд, Уильям Макнил, С.А. Нефедов и др.

Какие же особенные факторы обуславливают специфику социально-политической истории России?

Взаимосвязь факторов, порождающая российские циклы. Внимание к наиболее контрастирующим чертам кризисной эволюции российской государственности по отношению к не менее кризисной эволюции европейских государств с учетом классических и современных концепций исторического пути России позволяет сформулировать и концептуально связать между собой следующие тезисы.

В сфере политической географии, геополитики и геокультуры:

– российское государство расширилось в огромных сухопутных пространствах, главным образом, в XVII-XVIII вв., что закрепило главенство военно-принудительного

³¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства...

³² Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию. – М.: РОССПЭН, 2006 – 145 с. [Bessonova O. E. Handout economy of Russia. Evolution through transformation. Moscow: ROSSPEN, 2006 – 145 p.].

³³ Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с. [Kirdina, S.G. Institutsional'nyye matritysy i razvitiye Rossii: vvedeniye v X-Y-teoriyu (Institutional Matrices and the Development of Russia: An Introduction to the X-Y-Theory). 3rd edition, revised, expanded and illustrated. Sankt-Petersburg: Nestor-History, 2014. 468 p.]

³⁴ Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с. [Kordonsky, S. Soslovnaya struktura postsovetsskoy Rossii (The Class Structure of Post-Soviet Russia). Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2008. 216 p.]

³⁵ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с. [North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.]

³⁶ Подробнее о российских циклах см.: Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.; Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: Циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 127 с. [Pantin, V. I.; Lapkin, V.V. Politicheskaya modernizatsiya Rossii: Tsikly, osobennosti, zakonomernosti (Political Modernization of Russia: Cycles, Features, Patterns). Moscow: Russkoe Slovo, 2007. 127 p.]; Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с. [Rozov, N.S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke (Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21 Century). Moscow: ROSSPEN, 2011. 735 p.]

(«колониального») администрирования как средства удержания территорий и управления ими³⁷;

– вхождение России в круг европейских держав (особенно активное с воцарения Петра I), соответствующая конкуренция за престиж и влияние обусловили долговременные цели и направления государственной политики, среди которых, с учетом имеющихся возможностей, приоритетными стали военная мощь, величина территории и объем экспортной продукции, получаемой под государственным контролем и/или благодаря принудительному труду³⁸; после кризисов и даже распадов государственность восстанавливалась с тем же паттерном территориального управления (п.1) и теми же приоритетными целями.

В сфере базовых социальных отношений и стратификации:

– вследствие факторов (пп.1-2) был закреплён в качестве базового порядок военной службы, по образцу которого строилась и гражданская служба (бюрократия); остальные типы позиций и отношений – экономические, правовые, церковные, муниципальные, образовательные и проч. – либо принимали стандарты *порядка службы* (централизм, цепь командования, принудительность, сдача/раздача ресурсов), либо играли сугубо подчиненную, вспомогательную роль³⁹;

– вследствие распространенности военно-принудительного («колониального») администрирования (п. 1) не только в присоединенных провинциях, но и в хартленде государства вырос и воспроизводится в поколениях ментальный, культурный и имущественный разрыв (отсутствие вертикальной солидарности) между властью с примкнувшими элитами и основной массой населения. Этому способствует также стремление элит следовать пре-

стижным европейским образцам (в уровне потребления, повседневных практиках, даже в языке, п. 2) за счет эксплуатации соотечественников, воспринимаемых как «чужие» и «некультурные»;

В сфере религии, мировоззрения и морали:

– для достижения приоритетных целей (п. 2), для поддержания лояльности, контроля над умами служащих (п. 3) и остального населения (п. 4) власть всеми доступными средствами пытается утвердить монополию государственной религии (или принудительного атеизма), идеологию державности, патриотизма и т. п.; вместе с тем, высокий геокультурный престиж Европы, воспринятые в России сугубо европейские образование, наука и технологии, идеи и ценности социализма, демократии, прав человека, либерализма достаточно действенны для подрыва этой монополии в среде образованного класса и части бюрократии, для настроений и даже попыток либерализации в кризисные периоды (см. п. 8).

В сфере экономики и политэкономии:

– вследствие величины территории и богатства природных ресурсов (п. 1) власть и население преимущественно практикуют экстенсивный, а не интенсивный способ ведения хозяйства⁴⁰, что не способствует стремлениям к новациям, снижению издержек, накоплению капитала и инвестициям в новые конкурентоспособные предприятия;

– вследствие доминирующего типа территориального управления (п. 1), властных приоритетов (п. 2), базового порядка службы в социальных отношениях и институтах (п.3) и принимаемой/навязываемой идеологии (п. 5) власть не допускает правовую защищенность собственности и собственников или не способна долго с ней мириться; вместе с экстенсивностью хозяйствования (п. 5) это с неизбежностью это ведет к угасанию частных инвестиций,

³⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. 548 p.]

³⁸ Ibid. С. 26; 360-361.

³⁹ Ibid. С. 361-368; Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

⁴⁰ Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.; Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с. [Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: «Dmitry Bulanin», 1999. 548 p.]

подавлению конкуренции, экономической стагнации, отставанию в технологиях, в том числе военных.

В сфере социально-политической динамики:

– успешная реализация нового порядка государственной службы (п. 3) вкпе популярностью обновленной державной идеологией (п.5) и благоприятными внешнеполитическими альянсами приводят к геополитическим триумфам (фаза «Успешная мобилизация»), за которыми из-за экономического и технологического отставания (п. 6) следует фаза «Стагнация», а после закономерных провалов на внешней арене и неизбежного обострения внутренних социальных конфликтов происходят революции, смены режима с возможностями государственного распада и гражданской войны (фаза «Кризис»). При политической победе сил с проевропейской идеологией (п. 4) делаются попытки перехода от порядка службы к правовому порядку (фаза «Либерализация»), которые проваливаются при отсутствии автономных от государства, влиятельных и ресурсно богатых социальных групп (п.3), которые могли бы оказывать поддержку этим начинаниям. После периода неопределенности восстанавливается, как наиболее привычный для всех групп и слов, порядок службы с централизацией, принуждением, сдачей/раздачей ресурсов (фаза «Авторитарный откат»), что при благоприятном стечении обстоятельств (см. выше) приводит к «Успешной мобилизации», а при отсутствии таковых – сразу к «Стагнации» или новому витку «Кризиса».

Порочность циклов такого рода состоит в уязвимости к кризисам, неспособности к самоподдерживающемуся росту, что блокирует непрерывность технологического, экономического, социального и культурного развития. Когда многие, даже ранее отсталые, страны включаются в этот рост, а прежние способы достижения государственного успеха через геополитическую экспансию блокированы, все «плюсы» от циклов этого типа и порождающего их жесткого единства политико-идеологической монополии (с характеристиками пп. 1-8) остаются в прошлом.

Устойчивые экономический рост, высокий уровень социального и культурного развития обществ, переживших в свое время этапы «военного государства» и даже тоталитаризма (Швеция, Дания, Германия) позволяет судить о том, что действительной социальной и исторической альтернативой жесткому единству является вовсе не распад (фрагментация), а единство, основанное на общей платформе моральных и правовых принципов, на признании и поддержке соответствующих институтов и практик.

Литература:

- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию. М.: РОССПЭН, 2006. 145 с.
- Блок М. Феодалное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602-633.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. 424 с.
- Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37-48.
- Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 943 с.
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской Империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2010. 752 с.
- Казарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра Культура, 2004. 320 с.
- Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: КоЛибри, 2006. 638 с.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
- Клямкин И.М. Постмилитаристское государство // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 16-22.
- Коллинз Р. Макростория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
- Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
- Корневский Н.И. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII в. и деятельность патриарха Никона // Русская история в очерках и статья / под ред. М.В. Довнар-Запольского. Киев, 1912, Т. III. С. 715-716.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Территория будущего, 2008. 454 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 548 с.
- Нефедов С.А. Происхождение регулярного государства Петра Великого // Вопросы истории. 2013. № 12.

C. 53-65; 2014. № 1. С. 31-40; 2014. № 2. С. 42-58; 2014. № 4. С. 43-50; 2014. № 5. С. 52-63.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.

Ойкен В. Экономические системы // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 18-27.

Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: Циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово, 2007. 127 с.

Поннер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международная фонд «Культурная инициатива», 1992. 538 с.

Розов Н.С. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151-162.

Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.

Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977. 280 p.

References:

Bessonova, O.E. Razdatochnaya ekonomika Rossii. Evolyutsiya cherez transformatsiyu (Handout Economy of Russia. Evolution through Transformation). Moscow: ROSSPEN, 2006. 145 p.

Block, M. Feodal'noye obshchestvo (Feudal Society). Moscow: Sabashnikov, 2003. 504 p.

Collins, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 499 p.

Crevel, M. van. Rastsvet i upadok gosudarstva (The Rise and Decline of the State). Moscow: IRISEN, 2006. 544 p.

Dahl, R. Poliarkhiya, pluryalizm i prostranstvo (Polyarchy, Pluralism and Space) // *Voprosy filosofii. Russian Studies in Philosophy*, 1994, No 3, pp. 37-48.

Davis, N. Istoriya Yevropy (A History of Europe). Moscow: AST: Transit, 2005. 943 p.

Etkind, A. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii (Internal Colonization. Imperial Experience of Russia). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 2013. 448 p.

Goudsblom, J.; Jones, E.; Mennel, S. The Course of Human History. M.E. Sharpe, 1996. 156 p.

Gurevich, A.Ya. Individ i sotsium na srednevekovom Zapade (Individual and Society in the Medieval West). Moscow: ROSSPEN. 2005. 424 p.

Hellie, R. The Structure of Russian Imperial History // *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 2005, Vol. 44, No 4, pp. 88-112.

Ivanova, N.A.; Zheltova, V.P. Soslovnnoye obshchestvo Rossiyskoy Imperii (XVIII – nachalo XX veka) (The Estate Society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)). Moscow: New Chronograph, 2010. 752 p.

Kagarlitsky B. Periferiynaya imperiya: Rossiya i mirosistema (Peripheral Empire: Russia and the World System). Moscow: Ultra Culture, 2004. 320 p.

Karatsuba, I.V.; Kurukin, I.V.; Sokolov, N.P. Vybiraya svoju istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichey do oligarkhov (Choosing History. “Forks” on the Course of Russia: from Rurikovich to Oligarchs). Moscow: Kolibri, 2006. 638 p.

Kirdina, S.G. Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii: vvedeniye v X-Y-teoriyu (Institutional Matrices and the Development of Russia: An Introduction to the X-Y-Theory). 3rd edition, revised, expanded and illustrated. Sankt-Petersburg: Nestor-History, 2014. 468 p.

Klyamkin, I.M. Postmilitaristskoye gosudarstvo (Post-Militaristic State). In: Klyamkin, I.M. (ed.) Rossiyskoye gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow). Moscow: New Publishing, 2007. Pp.16-22.

Kordonsky, S. Soslovnaya struktura postsovetsskoy Rossii (The Class Structure of Post-Soviet Russia). Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 2008. 216 p.

Korenevsky, N.I. Tserkovnyye voprosy v Moskovskom gosudarstve v polovine XVII v. i deyatel'nost' patriarkha Nikona (Church Issues in Muscovy in the Mid-Seventeenth Century and the Activities of Patriarch Nikon). In: Dvornar-Zapolsky M.V. (ed.) (Russian History in Essays and Articles). Kiev, 1912, Vol. 3. Pp. 715-716.

Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760, Cambridge Univ. Press, 1987. 549 p.

McNeil, W. V pogone za moshch'yu. Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI-XX vekakh (The Pursuit of Power. Technology, Armed Forces and Society in the 11-20-th Centuries)]. Moscow: Territoria Buduschego, 2008. 454 p.

Mironov, B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (Social History of Russia). Vol. 1. Sankt-Petersburg: “Dmitry Bulanin”, 1999. 548 p.

Nefedov, S.A. Proiskhozhdeniye regul'yarnogo gosudarstva Petra Velikogo (The Origins of the Regular State of Peter the Great) // *Voprosy Istorii*, 2013, No. 2, pp. 53-65; 2014, No. 1, pp. 31-40; 2014, No. 2, pp. 42-58; 2014, No. 4, pp. 43-50; 2014, No. 5, pp. 52-63.

North, D.; Wallis, J.; Weingast, B. Nasiliye i sotsial'nyye poriadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva (Violence and Social Order. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History). Moscow: The Institute of Gaidar Publishing, 2011. 480 p.

Oiken, V. Ekonomicheskiye sistemy (Economic Systems) // THESIS, 1993, Vol. 1, No. 2, pp. 18-27.

Pantin, V.I.; Lapkin, V.V. Politicheskaya modernizatsiya Rossii: tsikly, osobennosti, zakonomernosti (Political Modernization of Russia: Cycles, Features, Patterns). Moscow: Russkoe Slovo, 2007. 127 p.

Polanyi, K. The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977. 280 p.

Popper, K. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi (The Open Society and Its Enemies). Moscow: Phoenix, International Foundation for Cultural Initiative, 1992. 528 p.

Rozov, N.S. Koley a pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke (Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in 21 Century). Moscow: ROSSPEN, 2011. 735 p.

Rozov, N.S. Uskoreniye istorii: prichinnyye mekhanizmy i predely (Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits) // *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost'*, 2015, No. 6, pp. 151-162.

Spencer, G. Opyty nauchnyye, politicheskiye i filosofskiy (Essays: Scientific, Political, and Speculative). Minsk: Sovremennyyi Literator, 1998. 1408 p.

Tilly, Ch. Prinuzhdeniye, kapital i yevropeyskiye gosudarstva. 990-1992 gg. (Coercion, Capital and European States. 990-1992). Moscow: Territoria buduschego, 2009. 328 p.

Weber, M. «Ob'yektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya ("Objectivity" of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge). In: Weber, M. Selected Works. Moscow: Progress. 1990. Pp. 602-633.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046

DIVERGING SOCIAL ORDERS OF EUROPE AND RUSSIA AFTER THE MIDDLE AGES, AND LONG-TERM POLITICAL CONSEQUENCES

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Article history: <i>Received:</i> 08.07.2019 <i>Accepted:</i> 25.10.2019	Abstract: Medieval Europe before the Reformation and Moscow Russia before the Troubles are viewed in an ideally-typical manner as carriers of basic social and mental unities: faith and church organization, sacred empire as the Rome's usccessor, basic social relations. As a result of the Reformation and the religious wars each of the European unities was destroyed, but parts of the former Pax Christiana continued to closely interact and compete with each other, to fight for leadership, that led to intensive modernization of the leading Western European powers with known global consequences. Moscow State after the Time of Trouble restored its unity in all three aspects. The features of the state and society here were significantly transformed as a result of the Schism, the formation of the Russian empire, administrative reforms of the 18–19 centuries, but the basic properties of etatism, centralism, priority of service, and power instrumentalization of the moral and religious sphere remained. The Russian social-political cycles have the phases: successful mobilization, stagnation, crisis, attempts of liberalization, authoritarian scroll-back. The cyclical dynamics is explained by the interrelation of the following factors: 1) the primacy of military-compulsory ("colonial") administration as a means of retaining and managing vast territories; 2) the state priorities of military power, size of the territory, and the volume of export products; 3) the order of military service as a basic model for political and social institutions; the corresponding weakness of autonomous capital and business activity; 4) the mental, cultural and property gap (lack of vertical solidarity) between the elites and the bulk of the population. 5) the monopoly of state religion (or forced atheism). Thus, unity of political power, religious and ideological monopoly can lead a country to military triumphs and even geopolitical success for decades but in <i>the longue duree</i> this unity generates vulnerability.
About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor, Department of International Relations and Area Studies, Novosibirsk State Technical University e-mail: nrozov@gmail.com Key words: political comparison; social order; empire; Reformation; Schism; Russian cycles; history of Europe; history of Russia; estates; patronage; state service	

Для цитирования: Розов Н.С. Дивергенция социальных порядков Европы и России при выходе из средневековья и долговременные политические следствия // *Сравнительная политика*. – 2019. № 4 – С. 120-132.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046

For citation: Rozov, Nikolai S. Divergentsiya sotsial'nykh porядkov Yevropy i Rossii pri vykhode iz srednevekov'ya i dolgoremennyye politicheskiye sledstviya (Divergention of Social Orders of Europe and Russia after the Middle Ages, and Long-Term Political Consequences) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 120-132.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10046